

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЖА КАК ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

CHARACTER DEVELOPMENT DIFFICULTIES AS A LINGUISTIC PERSONALITY

**E. Sorokina
A. Gerasimova**

Summary: The research is devoted to one of the most current problems in the modern science: the survey of a versatile term - personality. Analysis of the term «language personality» based on the language material (the parable of R. Bach «Jonatan Livingston Seagull») is depicted. On the foundation of comparative analysis, the results of similarities and differences in choosing interpreters' techniques and language means are presented.

Key words: translation, literary translation, linguistic personality, professional personality, translation technique, parable.

Сорокина Эльвира Анатольевна

*Д.филол.н., профессор, Московский государственный
областной университет
ellasor@mail.ru*

Герасимова Анна Валерьевна

*К.филол.н., старший преподаватель, Московский
государственный областной университет
annagsm777@gmail.com*

Аннотация: Исследование посвящено одной из самых актуальных в современной науке проблем: изучение многогранного понятия – личность. На языковом материале произведения Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» и двух его русских переводов представлен анализ понятия «языковая личность» и его разновидностей. На основе использованного сравнительно-сопоставительного анализа получены результаты, свидетельствующие о сходствах и различиях в избрании переводчиками переводческих приемов и языковых средств.

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, языковая личность, профессиональная личность, переводческая тактика, притча.

Введение

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к изучению человека во всех его проявлениях. Зародившись в рамках психологии, персонология охватила своим влиянием многие отрасли научного и научно-практического знания. В языкознании уже стремительно развивается лингвоперсонология – направление, связанное с исследованием «человека говорящего», иначе – с исследованием *языковой личности*. В русле данного направления находятся работы таких ученых, как Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин, В.П. Нерознак, Н.Д. Голев, В.И. Карасик и многие другие.

Анализ лингвистической литературы, связанной с исследованием языковой личности, позволяет говорить о том, что в современном обобщенном понимании понятие «языковая личность» – явление сложное, включающее большое количество видов, типов, разновидностей. Уже можно говорить о том, что исследователями описаны и зафиксированы в качестве самостоятельных видов личности такие разновидности, как *речевая и языковая личности, коммуникативная личность, языковая личность политика, личность персонажа* и т.д.

Понятие «языковая личность» в самом обобщенном смысле обозначает «человека говорящего», человека, вступающего в языковую / речевую ситуацию, стало быть, относится к человеку как к потребителю языка и средств, предоставляемых языком (родным или ино-

странным). Следовательно, данное понятие относится и к писателю, и к читателю, и к переводчику — все они *языковые личности*.

Языковая личность и перевод художественного текста

Современное представление о понятии «художественная литература» связано с пониманием понимания его как такого особого вида искусства, которое использует в качестве единственного материала слова и конструкции естественного языка. Специфические отличия художественной литературы от других видов искусства выявляются при сопоставлении, например, с такими, как музыка, изобразительное искусство, театр, кино, песня, использующими иной материал вместо словесно-языкового.

Антропоцентризм художественной литературы проявляется в том, что основной целью в произведении является намерение автора познать человека во всей его сложности, раскрыть тайны развития языковой личности и усовершенствования человеческого поведения, его психики и ее проявлений в общественном бытии. Известно, что отечественное литературоведение подчиняется одной из самых важных задач, стоящих перед создателем произведения и перед переводчиком – это стремление способствовать совершенствованию человека, его профессионально-личностному развитию, ро-

сту и достижению профессионально-личностного акме.

Художественная литература – это тот вид письменных текстов, в которых автор своим отбором языковых средств способен не только воплотить свои интенции, но и проявить себя в качестве языковой личности.

В сложной ситуации, условно обозначенной как «создание / чтение (потребление) / перевод художественного текста», возникающей вокруг художественного произведения, по нашему мнению, с разной степенью функционального участия сходятся такие виды языковой личности:

- автор оригинального текста как языковая личность;
- персонаж оригинального текста как языковая личность;
- автор перевода текста как языковая личность;
- персонаж переведенного текста как языковая личность;
- читатель оригинального текста как языковая личность;
- читатель переведенного текста как языковая личность.

И каждый вид личности способен иметь набор общих характеристик (знание языка, возраст, навыки восприятия художественного текста и мн. др.) и набор характеристик, специфически характерных для определенного вида языковой личности (умение / неумение создавать художественный текст, знание двух и более языков, время / эпоха, знание особенностей национальной культуры, целеустановка и т.д.).

В своей профессиональной деятельности переводчик погружается в особую ситуацию, которую, согласно высказыванию Е.В. Сорокиной, можно представить так: «Думается, что «предметная обстановка», «речевая ситуация» и «описываемая ситуация» — это те явления, которыми можно охарактеризовать обстановку схождения трех языковых картин мира и трех типов языковых личностей: 1. оригинальный текст, его автор и его язык; 2. переводчик и его язык; 3. текст перевода, его язык и адресат перевода читатель» [6, с. 2].

По мнению известнейшего отечественного литературоведа Ю.Д. Левина, «творческая личность переводчика неизбежно накладывается на переводимое произведение, и оно воспринимается читателями уже в его преломлении» [4, с. 7].

Понятие «языковая личность» в динамике своего развития

Существование языковой личности и ее деятель-

ность хронологически всегда неразрывно с существующей синхронно жизни и деятельности субъекта языковой картины мира.

В совокупности произведений, представляющих современную мировую литературу, имеется множество таких, в которых дано описание сильных личностей, достигающих (или уже достигших) своей вершины, своего акме.

Изучение развития языковой личности по пути достижения ею определенных результатов показало, что акме чаще всего связывается с таким явлением, которое обозначено словом «профессионализм». В психологии, в психолингвистике, в педагогике данное понятие является одним из центральных, способных охарактеризовать личность с позиции ее социальной роли.

Определение понятия «профессионализм» дает в своей работе С.А. Дружилов: «Под профессионализмом нами понимается особое свойство людей систематически, эффективно и надежно выполнять сложную деятельность в самых разнообразных условиях. В понятии «профессионализм» отражается такая степень овладения человеком психологической структурой профессиональной деятельности, которая соответствует существующим в обществе стандартам и объективным требованиям. Для приобретения профессионализма необходимы соответствующие способности, желание и характер, готовность постоянно учиться и совершенствовать свое мастерство. Понятие профессионализма не ограничивается характеристиками высококвалифицированного труда; это и особое мировоззрение человека» [3, с. 80].

Данное определение представляется важным, поскольку в нем подчеркивается совершенствование мастерства, готовность к учению, способность к профессиональному развитию. Следует подчеркнуть в приведенном определении то, что его автор указывает на особое мировоззрение.

Языковая личность и способы ее представления в притче Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»

Одним из ярких примеров развития профессионализма у языковой личности является повесть-притча современного американского автора – Ричарда Баха – «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» [7, 2004]. Данное произведение следует считать одним из немногих художественных текстов, в которых раскрыт процесс самосовершенствования личности по пути достижения поставленных ею целей и задач. Главный герой повести – Джонатан Ливингстон – представляет основную цель

своей жизни так: «... our purpose for living is to find that perfection and to show it forth» [7, p. 122], «... смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим» [2, с. 46].

Созданная в 1970 году повесть была переведена на русский язык двумя переводчиками: Юни Родман и Андреем Сидерским.

Чтение текста оригинала, выполненного на английском языке, и текстов русских переводов позволяет говорить о том, что каждый переводчик, представляя собой языковую личность, имеет свою методику перевода. При сохранении общего смысла английской притчи тексты перевода звучат по-разному.

В качестве примера можно привести такой отрывок оригинального английского текста и два его перевода:

R. Bach: «Seagulls, as you know, never falter, never stall. To stall in the air is for them disgrace and it is dishonor. But Jonathan Livingston Seagull, unashamed, stretching his wings again in that trembling hard curve — slowing, slowing, and stalling once more — was no ordinary bird. Most gulls don't bother to learn more than the simplest facts of flight — how to get from shore to food and back again. For most gulls, it is not flying that matters, but eating. For this gull, though, it was not eating that mattered, but flight. More than anything else. Jonathan Livingston Seagull loved to fly. This kind of thinking, he found, is not the way to make oneself popular with other birds. Even his parents were dismayed as Jonathan spent whole days alone, making hundreds of low-level glides, experimenting» [7, p. 14].

В переводе на русский язык, осуществленном Ю. Родман, данный отрывок выглядит следующим образом:

Ю. Родман: «Чайки, как вы знаете, не раздумывают во время полета и никогда не останавливаются. Остановиться в воздухе — для чайки бесчестье, для чайки это — позор. Но Джонатан Ливингстон, который, не стыдясь, вновь выгибал и напрягал дрожащие крылья — все медленнее, медленнее, и опять неудача, — был не какой-нибудь заурядной птицей. Большинство чаек не стремится узнать о полете ничего, кроме самого необходимого: как долететь от берега до пищи и вернуться назад. Для большинства чаек главное — еда, а не полет. Для этой же чайки главное было не в еде, а в полете. Больше всего на свете Джонатан Ливингстон любил летать. Но подобное пристрастие, как он понял, не внушает уважения птицам. Даже его родители были встревожены тем, что Джонатан целые дни проводит в одиночестве и, занимаясь своими опытами, снова и снова планирует над самой водой» [2, с. 11 – 12].

В переводе, осуществленном другим переводчи-

ком — А. Сидерским — этот отрывок звучит несколько иначе:

А. Сидерский: «Вам, должно быть известно — с чайками такое не случается никогда. Чайка не может остановиться в полете, потерять скорость. Это — позор, это — бесчестье. Однако Чайка Джонатан Ливингстон не ощущал стыда. Он снова вытянул крылья в жесткую дрожащую кривую — медленнее, медленнее и — опять неудача. И снова, и снова. Ведь он не был обычной птицей. Большинство чаек не утруждают себя изучением чего-то большего, чем элементарные основы полета. Отлететь от берега на кормежку и вернуться — это вполне достаточно. Ведь для большинства имеет значение не полет, но только лишь еда. Но для чайки по имени Джонатан Ливингстон важен был полет. А еда — это так... Потому что больше всего на свете Джонатан любил летать. Такой подход к жизни, как обнаружил Джонатан, отнюдь не прибавляет популярности в стае. Даже родители его были обескуражены тем, что он проводил день за днем в одиночестве, экспериментируя и сотни раз повторяя низкие планирующие спуски» [1, с. 11-12].

Не трудно заметить, что смысл данного отрывка обоими переводчиками сохранен, но при внимательном рассмотрении русских переводов можно найти явления, различающие их. Так, Ю. Родман стремится максимально сохранить синтаксическую конструкцию оригинала, а А. Сидерский достаточно часто меняет синтаксическую конструкцию практически каждого абзаца. Поэтому в переводе А. Сидерского можно наблюдать явление, при котором там, где в оригинале одно предложение, у А. Сидерского обнаруживаются два или даже три.

Анализ текста, созданного А. Сидерским, позволяет говорить о том, что этот переводчик достаточно активно использует прием синтаксической трансформации текста, часто встречается явление, при котором два предложения оригинала в переводе представлены тремя-четырьмя. По-видимому, уместным будет указать и на то, что в переводе А. Сидерского присутствуют лексемы, которые в русском языке обладают дополнительной стилистической окраской.

Интересным является следующий отрывок R. Bach: «You will begin to touch heaven, Jonathan, in the moment that you touch perfect speed» [7, p. 124], в котором автор повторил глагольную форму «to touch». Согласно переводным словарям, глагол «to touch» имеет значение «сравниться, достичь такого же уровня» [5, с. 764]. Данная лексическая единица указывает на намерение главного героя достичь совершенства, что в свою очередь и указывает на основную идею притчи. В русских переводах данная единица заменена на синонимичные по смыслу русские глаголы:

Ю. Родман: «Ты приблизишься к небесам, Джонатан,

когда приблизишься к совершенной скорости» [2, с. 49].

А. Сидерский: «Ну что ж, тогда ты достигнешь Неба, Джонатан, в тот миг, когда тебе покорится совершенная скорость» [1, с. 47].

При сравнении русских переводов очевидным становится то, что Ю. Родман сохранила в переводе авторский стилистический прием повтора. А переводчик А. Сидерский отказался от этого художественного приема.

Следует отметить и то, что переводчики могут быть единодушными в выборе переводного эквивалента. Так, например, во фразе Р. Баха: «They liked the practice, because it was fast and exciting and it fed a hunger for learning that grew with every lesson» [7, p. 141] присутствует словосочетание «hunger for» (стоящее при грамматической форме глагола «to learn»), которое лексикографические источники предлагают перевести как «сильно желать, жаждать» [5, с. 351].

В русских переводах данный глагол переведен устойчивым в русском языке сочетанием слов «утолять жажду знаний»:

Ю. Родман: «Им нравились практические занятия, потому что скорость пьянила и потому что тренировки помогали утолять жажду знания, которая становилась все сильнее после каждого занятия» [2, с. 72].

А. Сидерский: «Им нравилось тренироваться — их увлекала скорость и возможность с каждой последующей тренировкой узнать что-то новое, утоляя тем самым все возрастающую жажду знаний» [1, с. 69].

В центре внимания анализируемой повести-притчи находится идея, связанная с развитием личности, и не только с ее профессиональным, но и с ее духовным развитием, с самосовершенствованием, поскольку в тексте повествуется о стремлении главного героя к идеалу, о процессе достижения вершин бытия.

Известно, что значение процессуальности заложено в определенной части речи — глаголе, который способен образовывать формы (субстантивные, адъективные, адвербиальные), сохраняющие в своем значении глагольную сему процессуальности.

В развитии личности важную роль играет процесс обучения, процесс, ведущий к получению знаний. Именно поэтому интерес связан с исследованием глагола «to learn» и его грамматических форм. Глагол «to learn» в переводе на русский язык имеет значение «учиться, научиться, узнавать» [5, с. 414].

Необходимо заметить, что в оригинальном англий-

ском тексте произведения Р. Баха глагол «to learn» употребляется достаточно часто. Этот глагол своим лексическим значением напрямую связан с развитием личности по пути к профессиональному акме, поскольку только учеба, обучение, овладение знаниями и практическим опытом позволяют достичь профессионализма.

Следует отметить, что Р. Бах на протяжении всего повествования использует лексическую единицу «to learn» во всех его грамматических формах очень часто, как бы подчеркивая, что достижение результатов возможно лишь посредством обучения, посредством получения знаний, посредством учебы.

Анализ двух переводов данного произведения позволяет говорить о том, что переводчики (Ю. Родман и А. Сидерский) постарались сохранить в переводе семантику данного английского глагола, подбирая каждый раз русские лексемы, эквивалентные семантике данного глагола.

При сравнительном анализе русских переводов «Чайки по имени Джонатан Ливингстон» выделяются как сходства в манере переводчиков по отношению к подаче данного английского глагола, так и различия. Чтение текстов позволяет говорить о том, что оба переводчика бывают единодушными в приеме перевода глагола «to learn». Например, при переводе следующих фраз, в которых анализируемый глагол переведен формами эквивалентного русского глагола «учиться»:

R. Bach: «I want to learn to fly like that...» [7, p. 126].

Ю. Родман: «Я хочу научиться летать, как ты...» [2, с. 52].

А. Сидерский: «Я хочу научиться летать таким образом» [1, с. 51].

R. Bach: «Can't they think of the glory that it'll be when we really learn to fly?» [7, p. 133].

Ю. Родман: «Неужели они не понимают, как мы прославимся, если в самом деле научимся летать» [2, с. 64].

А. Сидерский: «Неужели они ни на секунду не задумываются о том, какие перспективы откроются перед ними, если они научатся летать по-настоящему» [1, с. 64].

Тот же прием использован переводчиками и при переводе фразы R. Bach: «...where did they learn to fly like that?» [7, p. 143], которая звучит в двух переводах практически одинаково: *Ю. Родман:* «Интересно, где это они научились так летать?» [2, с. 75]; *А. Сидерский:* «...где они научились так летать?» [1, с. 72].

Единодушные переводчиков проявляется иногда и при

выборе синонима русскому эквивалентному глаголу. Например, такая фраза R. Bach: «In the days that followed, Jonathan saw that there was as much to learn about flight in this place as there had been in the life behind him» [7, p. 120] переведена Ю. Родман как «В первые же дни Джонатан понял, что здесь ему предстоит узнать о полете не меньше нового, чем он узнал о своей прежней жизни» [2, с. 44], а А. Сидерским как «В последующие дни Джонатан обнаружил, что здесь, в новом месте, ему предстоит узнать об искусстве полета, едва ли не больше, чем он узнал за всю свою прежнюю жизнь» [1, с. 44], где оба переводчика избрали в качестве передачи английского глагола одинаковую форму русского глагола.

Аналогичной является и ситуация с переводом фразы R. Bach: «Before he learn this, however, he found that moving more than one feather at that speed will spin you like a rifle ball...» [7, p. 109], где оба переводчика выбрали в качестве передачи английского глагола русскими средствами глагол-синоним «понять»:

Ю. Родман: «Но задолго до этого он понял, что, если на такой скорости изменить положение хотя бы двух перьев, тело начнет вращаться, как ружейная пуля, и ...» [2, с. 25].

А. Сидерский: «Но прежде, чем Джонатан это понял, он обнаружил другое — смещение более чем одного пера на такой скорости, заставляет тело вращаться вокруг продольной оси подобно винтовочной пуле...» [1, с. 24].

Но сравнение двух русских переводов позволяет говорить и о различиях, имеющих у переводчиков в выборе русского соответствия анализируемому английскому глаголу «to learn» и его грамматическим формам. Так, например, автор оригинального английского текста в двух, расположенных рядом предложениях, использует глагол и его вербойд: R. Bach: «I could be spending all this time learning to fly. There is so much to learn» [7, p. 100]. Иначе говоря, автор усиливает повтором действие данного глагола.

В переводе Ю. Родман такого усиления действия глагола не наблюдается, поскольку переводчица устранила повтор, использовав синонимичный глагол: «Я мог бы потратить все это время на то, чтобы учиться летать. Мне нужно узнать еще так много!» [2, с. 15].

В переводе А. Сидерского повтор тоже устранен. И при этом переводчик использовал грамматическую трансформацию, переведя глагол именем существительным: «Все это время я мог бы потратить на изучение полета. Ведь еще столько всего предстоит узнать!» [1, с. 13].

Повторяющиеся формы глагола придают особую экспрессивность английскому тексту, усиливают впе-

чатление о процессе, при котором накапливались профессиональные навыки, являются характерологическим признаком авторского стиля Р. Баха: R. Bach: «He learned more each day. He learned that... He learned to sleep in the air... He learned to ride the high winds...» [7, p. 112 – 113].

Ю. Родман постаралась сохранить в переводе авторский стиль: «Каждый день он узнавал что-то новое. Он узнал, что... Он научился спать в воздухе... Он научился залетать вместе с сильным ветром...» [2, с. 31 – 32].

А. Сидерский отказался от приема повтора: «С каждым днем знание, которым обладал Джонатан, росло. Он обнаружил, что... Он также научился спать на лету, а на высотных ветрах, Джонатан залетал далеко в глубь...» [1, с. 33].

Интересным представляется перевод фразы R. Bach: «There would be no ties now to the force that have driven him to learn, there would be no more challenge and no more failure» [7, p. 105], которая в русских вариантах текста представлена по-разному:

Ю. Родман: «Распались цепи, которыми он приковал себя к колеснице познания: не будет борьбы — не будет поражений» [2, с. 20].

А. Сидерский: «Ведь тем самым он разрывал свою связь с силой, заставляющей его искать знания. Так он избавлялся и от борьбы, и от поражения» [1, с. 20].

Не трудно заметить, что в русских переводах эта фраза получила два разных варианта.

Эмоционально и стилистически разнятся и варианты перевода фразы R. Bach: «His race to learn had begun» [7, p. 155]. У Ю. Родман данная фраза звучит несколько прозаично, даже грубовато: «И ринулся в погоню за знаниями» [2, с. 93]. У А. Сидерского, напротив, фраза звучала почти торжественно: «Начинался его собственный путь знания» [1, с. 84].

Различия в подходе к переводу текста «Чайки по имени Джонатан Ливингстон», наблюдаемые при сравнении текстов, созданных Ю. Родман и А. Сидерским, касаются не только грамматических форм анализируемого глагола, но и в использовании приема дополнения. Сравнение текстов, принадлежащих названным переводчикам, дает право говорить, что А. Сидерский часто прибегает к увеличению объема переводимой фразы. К примеру, достаточно лаконичная фраза Р. Баха R. Bach: «If I were meant to learn so much about flying, I'd have charts for brains» [7, p. 103] у А. Сидерского получает увеличенный объем: «Если бы моим предназначением была скорость и столь глубокое постижение искусства полета, тело мое от рождения обладало бы соответствующими особыми

свойствами, и тогда ум естественным образом работал бы в нужном направлении» [2, с. 19-20].

Для сравнения приведем перевод данной фразы Ю. Родман: «Родись я, чтобы узнать так много о полетах, у меня была бы не голова, а вычислительная машина» [1, с. 18].

В данном отрывке английского текста глагол «to learn» используется в форме инфинитива. Ю. Родман, осуществляя перевод отрывка на русский язык, стараясь максимально приблизиться к тексту оригинала, дает перевод данного глагола тоже в инфинитиве. В своем переводе А. Сидерский использует грамматическую форму синонимичного глаголу существительного.

Данный отрывок интересен тем, что в переводах на русский язык он приобретает разный вид: в переводе Ю. Родман сохраняется лаконичность фразы. А в переводе А. Сидерского наблюдается увеличение объема фразы и присутствие небольшого, но ощутимого несколько возвышенного оттенка.

Переводчик А. Сидерский использует прием расширения фразы и при переводе такого отрывка: *R. Bach*: «The same rule holds for us now, of course: we choose our next world through what we learn at this one. Learn nothing and the next world is the same as this one, all the same limitations and lead weights to overcome» [7, p. 122].

Переводы данного отрывка на русский язык различаются и по выбору лексических эквивалентов, и по сохранению объема фразы.

Ю. Родман: «Тот же закон, разумеется, действует и здесь: мы выбираем следующий мир в согласии с тем, чему мы научились в этом. Если мы не научились ни чему, следующий мир окажется таким же, как этот, и нам придется снова преодолевать те же преграды, с теми же свинцовыми гирями на лапах» [2, с. 46].

А. Сидерский: «Закон на всех уровнях бытия — один и тот же: свой следующий мир мы выбираем посредством знания, обретенного здесь. И если здесь мы предпочли невежество, и знание наше осталось прежним, — следующий наш мир ни чем не будет отличаться от нынешнего, все его ограничения сохранятся, и таким же неподъемным будет свинцовый груз непонятого вызова» [1, с. 46].

Не трудно заметить, что А. Сидерский значительно расширяет объем переводимой фразы.

Различия в манере сравниваемых переводчиков проявились и в переводе такого отрывка, как *R. Bach*: «It is I, who must learn from you! You have less fear of learning

than any gull I've seen in ten thousand years» [7, p. 128].

Глагольные формы данной английской фразы переведены переводчиками по-разному:

Ю. Родман: «Это мне надо учиться у вас! За десять тысяч лет я не встретил ни одной чайки, которая училась бы с таким же бесстрашием, как ты» [2, с. 54-55].

Не трудно заметить, что Ю. Родман постаралась сохранить лексическое значение английского глагола и передать это значение эквивалентными формами русского глагола. При этом необходимо отметить, что переводчица сохранила стилистический прием повтора, наблюдаемый в авторском тексте.

А. Сидерский увеличивает объем фразы и избегает повтора, который наблюдается в переводе Ю. Родман: «Мне еще предстоит многому у вас научиться. ...ведь ты, похоже, совсем не боишься нового, а если немного опасаясь, то гораздо меньше, чем любой из тех, кого я встречал за десять тысяч лет» [1, с. 55].

Анализ работ двух переводчиков показал, что оба мастера воспользовались огромным количеством лексических единиц для передачи всего одной английской словарной единицы, а именно глагола «to learn», в котором заложена основная идея повести-притчи: процессы обучения, упорной учебы, постоянные тренировки ведут в конечном итоге к получению знаний, мастерства, профессионализма.

Заключение

Одним из важных элементов художественного произведения является персонаж, речевая характеристика которого может указывать на особенности его как языковой личности. Развитие личности по пути достижения профессионального акме представлено не в каждом художественном произведении.

Повесть-притча Р. Баха «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» считается одним из немногих художественных текстов, в котором очень ярко, выразительно раскрывается динамика самосовершенствования личности, поступательное развитие ее профессионализма и достижение ею вершин профессионального мастерства.

В русских переводах общий смысл данного произведения сохранен. Следует отметить, что переводчики — Ю. Родман и А. Сидерский — постарались максимально точно передать смысл всего произведения, сохранить своеобразный пафос описания поведения персонажей и особенно — главного героя, указать языковыми средствами на динамику развития личности.

Анализ показал, что в языковой ситуации «английский текст / его переводы / русский читатель» участвуют такие языковые личности:

- автор оригинального текста (Р. Бах– R. Bach);
- главный персонаж английского текста (Джонатан Ливингстон – Jonatan Livingston);
- авторы переводов (переводчики Ю.Родман и А. Сидерский);
- главный персонаж русских переводов (Джонатан Ливингстон);
- русский читатель.

У каждой языковой личности свое отношение к языку-источнику и к принимающему языку, повлиявшее на создание своей методики перевода.

Установлено, что переводчица Ю. Родман старается сохранить такой, например, стилистический прием, свойственный Р. Баху, как повтор глагола или его грамматической формы.

Переводчик А. Сидерский избегает повторов, поэтому в его переводческой манере преобладают трансформации, приводящие к синонимической замене. Необходимо отметить и то, что переводчик А. Сидерский склонен к расширению объема переводимой фразы. На этом основании А. Сидерский отходит от текста первоисточника, но более ярко и подробно описывает становление и развитие персонажа и создание художественного образа при освоении им поставленных целей и идей.

Следовательно, каждая языковая личность проявляет свои особенности, связанные с выбором языкового материала, с восприятием языкового средства и с оценкой его степени выразительности.

Переводчики как языковые личности проявили уважение к автору текста как особой языковой личности, обладающей художественным мышлением. И при этом переводчики постарались учесть особенности языковой личности адресата переводов – русского читателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бах Р. Чайка Джонатан Ливингстон. Иллюзии / пер. с англ. А. Сидерский. К.: «София»; М.: ИД «София», 2004. 224 с.
2. Бах Р. Чайка по имени Джонатан Ливингстон: Повесть / пер. с англ. Ю. Родман. СПб.: Азбука — классика, 2004. 176 с.
3. Дружилов С.А. Профессиональная компетентность и профессионализм педагога: психологический подход // Сибирь. Философия. Образование. Научно-публицистический альманах. Новокузнецк: СО РАО, ИПК — 2005. Вып. 8.
4. Левин Ю.Д. Русские переводчики XIX в. и развитие художественного перевода. Л.: Наука, 1985. 299 с.
5. Мюллер В.К. Англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1998, 945 с.
6. Сорокина Е.В. Перевод и языковая личность // Теория и практика перевода. М.: Изд-во НВИ, 2008. С. 2 – 8.
7. Bach R. Jonathan Livingston Seagull. St. Petersburg, Azbooka-classic Publishing House, 2004. 176 p.

© Сорокина Эльвира Анатольевна (ellazor@mail.ru), Герасимова Анна Валерьевна (annagsm777@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»